

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/HI.2024.47.4.007

МЕЖДУПАРТИЙНЫЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (часть 2)

Рыбак Кирилл Евгеньевич,
доктор культурологии,
ассоциированный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
kvr1482@gmail.com

Избачков Юрий Сергеевич,
соискатель,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
strax5@list.ru

Контрастом к делу Цубербиллер выглядит дело по обвинению присяжного поверенного И.И. Филиппова в участии в Московском комитете Междупартийного Красного Креста¹.

В отношении Ивана Ивановича Филиппова у охранного отделения имелись агентурные сведения о его принадлежности к народно-социалистической партии (энесы). 24 февраля 1909 года в ходе обыска у него были изъяты партийная литература, открытки с фотографиями революционеров (Мазуриной, Измайлович, Кропоткина, Спиридоновой), переписка, указывающая на участие его в книгоиздательстве «Молодая

Россия», 75 экземпляров гектографированного «Отчёта Московского Комитета междупартийного Красного Креста» с января по 1 февраля 1909 года², выполненное машинописным способом письмо Красного Креста политическим заключённым в Таганской тюрьме по поводу деятельности этой организации, записка «От кружка каторжан», три расписки некой Ивановой в получении денег для Новинской каторжной тюрьмы, расписка Артемьевой в получении 5 рублей для второго Арбатского участка, Моисеевой в получении 10 рублей.

1 ЦГА Москвы. Ф.142. Оп.1. Д.556. В архивном деле есть как судебное дело, так и предварительное следствие.

2 Упомянутые в этом отчете суммы говорят об оборотах Междупартийного красного Креста – собрано средств: 2782 рублей 34 копейки, израсходовано за месяц 740 рублей 23 копейки.

Допрошенный в качестве обвиняемого 5 августа 1909 г. Филиппов³ объяснил, что найденные у него отчёты и нелегальная литература не его, а оставлены в его отсутствие неизвестным ему лицом. Обнаружив их, он положил их в портфель, желая расследовать, кем именно они оставлены. Письмо заключённым, постановления и известия народно-социалистической партии он нашёл в дверном почтовом ящике, и положил в карман, желая в дальнейшем с ними ознакомиться. Насчёт расписок он не припомнил, откуда они у него появились. В отношении других бумаг он пояснил, что они касаются ведения дел его клиентов или его коллег.

Сравнение почерка не проводилось, обозначенные инициалами в письмах и записках лица не были установлены, граждане, прямо указанные в записках, не были установлены и допрошены, даже несмотря на указание прокурора, отправившего дело на следствие.

То, что указанные печатные материалы были обнаружены в портфеле Филиппова на его письменном столе в его доме, а письмо Красного Креста политическим заключённым в Таганской тюрьме вместе с партийными постановлениями обнаружены в кармане его пиджака являлись вполне достаточными доказательствами для его осуждения за участие в заведомо неразрешённой организации.

Объяснения Филиппова, хоть и выглядят неубедительно, но были подтверждены его коллегами, которые на суде показали, что к нему часто приходили неизвестные лица, а его письмоводитель Жарова прямо показала, что в день обыска к нему приходил какой-то неизвестный человек, принёс сверток, положил на стол и ушёл, не назвав фамилии, именно этот свёрток и нашла полиция. Обвинительный акт был составлен 26 августа 1910 года.

В целом, доказательственная база очень похожа на дело Цубербиллеров, однако признательные показания Владимира Цубербиллера оказались более значимыми, чем оправдывающие присяжного поверенного показания его работницы.

Дело рассматривалось без участия присяжных заседателей, что в данном случае могло сыграть существенную роль. В делах Московской Судебной Палаты (вышестоящая судебная ин-

станция по отношению к Московскому Окружному Суду) есть хорошо сохранившаяся сводная отчётность по рассматриваемым делам. Например, в прокурорской переписке с Вологодским Окружным Судом находим статистику оправдания подсудимых: в суде присяжных — 40,6 % приговоров, без участия присяжных заседателей — 19,2 % приговоров⁴.

Если же брать конкретные уголовные дела, рассмотренные Московским Окружным Судом с участием присяжных заседателей, то нередко встречаются случаи, когда присяжные оправдывали даже лиц, задержанных с поличным на месте преступления, которые потом придумывали версии событий, ещё менее правдоподобные, чем версия Филиппова⁵.

Можно отметить, что судебные следователи не вдавались в выяснение связей обвиняемого в революционной среде⁶, а ограничились формальными следственными действиями, достаточными для осуждения исходя из существовавших в то время стандартов доказывания. Прокурор, хоть и отправил один раз дело на следствие, но приложил минимум усилий для ведения дела. Судьи сочли минимальную доказательную базу достаточной для осуждения. По приговору Московского Окружного Суда от 12 апреля 1912 года Филиппова оштрафовали на 100 рублей. При этом производство по делу заняло более трёх лет.

Оценивая эффективность работы системы в целом, следует учитывать агентурную и аналитическую работу корпуса жандармов, сведения о которой применительно к этому делу, к сожалению, не сохранились. Однако можно предположить, исходя из понимания методов их работы,

4 ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.78. Д.473. Л.278.

5 См., например, дело по обвинению крестьян Анохина Я.С., Шибанова Ф.Е. и Анохина Ф.С. в попытке вооружённого ограбления дачи Боголюбова в дачной местности «Серебряный Бор» (ЦГА Москвы. Ф.142. Оп.1. Д.449).

6 Справедливости ради нужно отметить, что у следователей для этого крайне ограниченный инструментарий. С учетом личностей обвиняемых и их роли в организациях (опытные, мотивированные, занимающие не рядовое положение в структуре, выполняющие узкоспециализированные задачи, знающие, что их обязательно поддержат в сложной ситуации), шансы на успех были не велики, но попытаться стоило.

3 На этот момент Филиппову было 40 лет.

что наружное наблюдение велось за несколько недель до и после обыска. Кроме того, нужно принимать во внимание затраты на направление многочисленных письменных запросов по местам жительства установленных контактов подозреваемых лиц.

В деле Филиппова видим много усилий, затраченных властями. При этом по характеру и количеству изъятых в ходе обыска материалов, профессии обвиняемого (присяжный поверенный), дающей дополнительные возможности для связи с арестованными революционерами, можем предположить, что он был значимым узлом партийной сети. Принятыми мерами этот узел не был эффективно нейтрализован. Штраф в сумме 100 рублей никак нельзя признать действенной мерой.

Третье дело касается ареста и административной высылки слушательницы М.В.Ж.К. (Московские Высшие Женские Курсы) дворянки Раисы Аполлинариевны Головачёвой⁷.

У нас нет прямых подтверждений её партийной принадлежности в феврале-марте 1912 года. Однако, судя по полицейской «Ведомости о лицах, задержанных и доставленных в отделение по охране общественной безопасности и порядка в гор. Москве с 19-ого по 25-е февраля 1912 г. включительно»⁸, она была членом РСДРП. Из этого документа узнаём, что Головачёва «обыскана по агентурным сведениям, указывающим на участие в группе, имеющей целью помощь политическим каторжанам и ссыльным, и арестована по результатам обыска, подтвердившего изложенные выше сведения. Содержится в порядке охраны».

Часть изъятых в ходе обыска у Головачёвой материалов косвенно подтверждает её приверженность идеологии РСДРП.

Необходимо отметить наличие в ГА РФ большого количества дел, касающихся ареста Головачёвой, включая сохранившиеся вещественные доказательства, которые оказались весьма важными в контексте поставленной нами задачи разобраться в эффективности деятельности правоохранительной системы тех лет⁹.

Итак, 21 февраля 1912 года Головачёва была обыскана и арестована, поскольку подтвердились агентурные сведения полиции о причастности её к революционной деятельности. Среди прочего у неё изъяли бланки почтовых переводов ссыльным. Причём у части переводов были вырезаны или тщательно замараны адресаты. Полиция справилась на почтамте о возможности идентифицировать переводы по номерам квитанций, но там ответили, что корешки квитанций хранятся только один месяц, поэтому установить всех получателей переводов не представляется возможным.

Из сохранившихся нетронутыми квитанций установлено, что Головачёва направляла деньги Александре Прокофьевне Чефроновой (ссыльная в Великом Устюге, на допросе заявила, что Головачёву не знает, документов о связи при обыске в ссылке не обнаружено), Фёдору [Тимофеевичу] Маличу (эсер, ссыльный в Енисейской губернии, был обыскан в ссылке, его связь с Головачёвой не была доказана), Анне Петровне Товбин (ссыльная в Олонецкой губернии), Алексею Ивановичу Герцеву (ссыльный в Олонецкой губернии). Кроме этого жандармы обнаружили у Головачёвой квитанции ещё на 19 переводов с отрывочными данными людей, которых они не смогли установить.

Свидетельница Нина Смирнова показала полиции, что её знакомая курсистка Головачёва действительно помогает политическим ссыльным и каторжным из своих собственных средств, поскольку она зарабатывает уроками больше 100 рублей в месяц. Состоит ли Головачёва в группе лиц, оказывающих организованно помощь таким лицам, ей неизвестно.

В переписке, отобранной при обыске у Головачёвой, оказалось письмо студента Московского университета Николая Николаевича Бухгольца¹⁰ на имя Раисы Головачёвой, в котором

7 Головачёва Раиса Аполлинариевна, Коллекция фотопортретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений. 1840-1917 гг. ГА РФ. Ф.1742. Оп.1. Д.8431.

8 ЦГА Москвы. Ф.131 Оп.80 Д.539 Л.74-74об.

9 ГА РФ. Ф.58. Оп.4. Д.364 (1912 год); Ф.63. Оп.32. Д.180; Ф.63. Оп.50. Д.119 (1912 год); Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912

год). Д.10 ч. 61; Ф.102. Оп.209 (Д-7, 1912 год). Д.427; Ф.1167. Оп.2. Д.881, 882, 884; Ф.1167. Оп.3. Д.1448, 1449

10 Советский учёный, специалист по теоретической механике, автор знаменитого учебника «Основной курс теоретической механики», доктор физико-математических наук, генерал-майор инженерно-авиационной службы (1943); лауреат Сталинской премии второй степени (1943). Малоизвестная деталь его биографии: до революции он служил в армии, был поручиком 17-ого сапёрного батальона. В деле Головачёвой есть донесение

сообщается о посылке 15 рублей в первую Тольскую каторжную тюрьму.

Допрошенный по содержанию этого письма студент Николай Бухгольц объяснил, что «брат некой Былинской, которая была подругой Нины Александровны Смирновой, с которой свидетель состоит в гражданском браке, находится в ссылке или каторге и очень нуждается, причём его сестра, названная Былинская, обратилась с просьбой к Смирновой о помощи её брату. ... Головачёва находится в близких отношениях к студенту Аркадию Владимировичу Стойлову, причём последний ... много зарабатывает уроками греческого языка». Бухгольц отметил, что Головачёва из милосердия помогает не только политическим, но и уголовным ссыльным¹¹.

В основном, свидетели по её делу ограничивались туманными объяснениями об условиях жизни и деятельности Головачёвой. Показания свидетелей не были скоординированы по содержанию, однако жандармы никак не смогли использовать разницу в их показаниях.

Сама же Головачёва объяснила, что живёт на средства от уроков (приблизительно 150 рублей в месяц), учится на медицинском факультете М.В.Ж.К. Её жених, студент Аркадий Стойлов, также преподаёт иностранные языки частным лицам. Головачёва отрицала причастность к ка-

ким-либо революционным сообществам и партиям, действующим против правительства, участия в группе лиц, поставивших себе целью оказывать организованно помощь ссыльным и каторжным, не принимала.

«Кому пересылались деньги по тем почтовым квитанциям, которые обнаружили у меня при обыске, я не знаю, т.к. они перечислялись не мною. Не знаю также, кем они посылались в виду того, что квитанции эти получены от неизвестного мне лица, которое я встретила на почте, и который обратился ко мне с просьбой о том, не могу ли я послать денежных средств лицам, которые были на квитанциях. Ответив этому лицу отказом, я всё же взяла эти квитанции, т.к. лицо это убедило меня посмотреть, как много денег посылается ссыльным, и обещал зайти ко мне за ними, но не зашёл до настоящего времени. Это было месяц или полтора тому назад. На вопрос, поставленный вами о том, каким образом встреча эта могла произойти месяц или полтора назад, если последняя квитанция от 6 сего февраля, отвечаю, что встреча эта могла быть и позднее, точно я не помню, когда именно. Лично я посылаю деньги из своих средств только четырём своим знакомым, на имя которых у меня заготовлены бланки переводов»¹².

Ознакомление с личными делами Р.А. Головачёвой по месту учёбы в Повивальном институте при Московском Императорском Воспитательном Доме¹³ и на медицинском факультете М.В.Ж.К.¹⁴ позволило нам обнаружить множество прошений Головачёвой о рассрочке внесения платы за обучение, обосновываемых тяжёлым материальным положением, необходимостью ухаживать за больной сестрой, недостаточностью средств получаемых частных уроков. Этими же обстоятельствами Головачёва объясняла малое количество сдаваемых экзаменов. То есть мы видим, что аргумент об использовании собственных средств для помощи политическим заключённым выдуман.

Самым серьёзным изобличающим доказательством связи Головачёвой с деятельностью Междупартийного Красного Креста стала обна-

полиции, что Николай Бухгольц не был замечен в революционной пропаганде, но состоял членом революционной комиссии кассы взаимопомощи студентов-рязанцев (ГА РФ. Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912 год). Д.10 ч.61. Л.27), хотя ранее письменно обещал администрации Императорского Московского технического училища этого не делать (ЦГА Москвы. Ф.372. Оп.3. Д.2033. Л.11).

11 Следует отметить, что революционеры осуждались не только по политическим преступлениям. Многие, особенно члены «групп экспроприации», отбывали наказание по общеуголовным статьям. Материальную базу для революционной деятельности в значительной мере составляли грабежи и кражи у состоятельных граждан, ограбления банков, магазинов и контор. Например, см. ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.80. Д.367. Л.51–52. Так что выборочная помощь уголовникам не должна вводить в заблуждение. Прямые указания на грабежи, как способ пополнения партийной кассы, находим в деле Сергеевской Марии Фёдоровны (ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.220. Л.130б.). В упомянутом деле есть сведения о желании харьковской эсеровской организации убить некоего фабриканта – дядю одного из членов организации, чтобы большая часть причитающегося ему наследства была направлена на нужды организации (Л.10).

12 Протокол допроса Р.А. Головачёвой см. ГА РФ. Ф.102. Оп.148 (Д-5, 1912 год). Д.10 ч.61. Л.12–13.

13 ЦГА Москвы. Ф.112. Оп.2. Д.474.

14 ЦГА Москвы. Ф.363. Оп.4. Д.7610.

руженная у неё записка, из которой следовало, что если столовая¹⁵ М.В.Ж.К. сдавалась для организации собраний студентов, то 10 % от платы подлежала передаче политическим заключённым. В этой записке упоминался Красный Крест.

Жандармы допрашивали знакомых Головачёвой, чтобы получить больше подтверждений о её причастности к деятельности этой организации. Однако свидетели отвечали уклончиво и никаких дополнительных сведений собрать не удалось.

Студент Московского университета Илиодор Николаевич Покровский показал, что «под Красным Крестом, в который студенты постановили отчислять 10 % от суммы, получаемой по устройству собраний общества филологов для помощи голодающим и что фактически эти деньги посылаются не в Красный Крест, а в Самарскую губернию, записка эта была дана им Головачёвой, которая просила о сборе пожертвований для голодающих и в этом случае согласилась хлопотать о предоставлении для вышеуказанных собраний студентов помещений столовой слушательниц Московских Высших Женских Курсов». Далее он объяснил, «что по делу Головачёвой ему ничего не известно, что в данном случае под красным крестом, о котором идёт речь в его записке, ни в коем случае нельзя подразумевать межпартийного красного креста, так как о существовании такого ему положительно не известно».

По поводу записки Илиодора Покровского о 10 % отчислениях в пользу Красного Креста, Головачёва заявила, что «записка носит шуточный характер и под красным крестом надо разуметь помощь голодающим».

Несмотря на собранные доказательства в административной высылке Головачёвой полиции было отказано. Тем не менее, жандармы продолжали подозревать Головачёву в революционной деятельности, временами устанавливая за ней

наружное наблюдение¹⁶. В постоянном наблюдении не было необходимости, учитывая активную деятельность Марии Мароши в деятельности их кружка.

Следует обратить внимание на связь между гражданской профессией Головачёвой (студентка медицинского факультета) и её революционной активностью (Междупартийный Красный Крест).

Исследуя архивные дела, мы также хотели найти свидетельства связи Раисы Головачёвой и Ольги Цубербиллер. Московские Высшие Женские Курсы — это их очевидная точка пересечения.

Анализируя дошедший до нас комплекс документов, касающихся революционной деятельности Головачёвой, отмечаем тщательность, с которой подготовлены материалы для административной высылки Головачёвой за пределы Москвы. Аккуратно заполненные на печатной машинке формуляры с описанием биографических данных, содержание показаний самой Головачёвой и ключевых свидетелей по делу, подробные описания изъятых писем и квитанций из протоколов осмотров и сами протоколы осмотра. Все эти сведения повторяются из документа в документ.

В числе прочего в формулярах обнаружена повторяющаяся запись: «4. Петровские ворота 1 Знаменский 10, 4 Лид Вл. Эр. /неразборчиво/». Кто такая эта «Эр.» жандармы не смогли установить.

Большая удача, что сохранились вещественные доказательства по делу — те самые квитанции и записные книжки, изъятые у Головачёвой¹⁷. В одной из записных книжек находим, что указанная «Эр.» — это Людмила Владимировна Эрарская.

Записи сделаны мелким почерком, но фамилия «Эрарская» довольно хорошо различима, кроме того Людмила Владимировна Эрарская указана в записной книжке четыре раза.

В ходе выяснения социальных связей арестованной Головачёвой следователем были направлены запросы по всем найденным у неё адресам: как по лицам, которым адресовались денежные переводы, так и по данным из её за-

15 Некоторые отчёты наружного наблюдения позволяют подозревать, что столовые, которых в то время в Москве было довольно много, были устойчивой основой для поступления денег на эти цели. Например, маршрут следования некоего «Сундука» напоминает маршрут нелегального инкассатора (ГА РФ. Ф.63. Оп.45. Д.304. Л.116). Мы не находим в документах жандармов системного изучения этого вопроса.

16 «Дневники наружного наблюдения. Головачёва Раиса Аполлинариевна 28 лет, дворянка Минска, кличка «Люстринова» (ГА РФ. Ф.63. Оп.44. Д.5618 (1914 год). Также ГА РФ. Ф.43. Оп.45. Д.297. Л.239.

17 ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.881.

писных книжек¹⁸. Из дома по 1-му Знаменскому переулку пришёл ответ, что там проживает Ераская¹⁹ Людмила Владимировна, девица 20 лет, дочь отставного генерал-майора, вместе с Ераской Надеждой Павловной женой отставного статского советника 57 лет и сестрой Ераской Верой Владимировной, дочерью отставного генерал-майора 28 лет, артисткой.

На это жандармы тоже не обратили внимание. Между тем именно сёстры Эрарские²⁰ — это общие знакомые и тот самый мостик, который мог связывать Головачёву и Цубербиллер²¹. В данном случае, преследуя революционеров,

государственная машина в лице жандармов пыталась следовать высоким стандартам документирования результатов расследования. Однако тщательность заполнения многочисленных процессуальных документов приводила к таким досадным упущениям²².

Система захлёбывалась в бюрократических формальностях (дело Головачёвой). При этом, проявляя признаки предвзятости (дело Цубербиллер), система не могла эффективно бороться с революционной активностью: правонарушители²³ уходили от ответственности или получали незначительные, символические наказания.

Стоит также отметить несовершенство системы криминалистических учётов того времени. Революционеры, стремясь запутать полицию, менялись своими биографическими данными. Например, под именем Эрика Нордштрема (брат Эмиля Нордштрема, тоже эсер) долгое время действовал другой революционер — Вильгельм-Альберт Завинский²⁴. Другой пример касается перлюстрированной переписки этого же Нордштрема с неким «Николаем»²⁵. В полицейском деле 1914 года имеется долгая переписка относительно того, кем же может быть некий «Николай», с которым Нордштрем связан революционной работой. Разумеется, это был Николай Витка.

Тем не менее, приложив значительные усилия, правоохранительной системе Российской Империи удалось в 1914 году практически полностью подавить революционное движение. Мы видим это в рапортах полиции²⁶, а также в пись-

18 ГА РФ. Ф.58. Оп.4. Д.364/45. Л.20 (1912 год).

19 Так в документе.

20 Речь идет о Вере Владимировне и Людмиле Владимировне Ерарских. Эрарские (правильно Ерарские) – дворянский род, внесенный в 3 часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии. Родоначальник – подполковник Владимир Алексеевич Ерарский (12.01.1845 – после 1906 г.). Воспитывался в Ставропольской гимназии, офицер, участвовал в различных походах на Кавказе против черкес и турок. Воинский начальник в Касимовском уезде, подполковник (1898); воинский начальник в Жиздринском уезде Рязанской губернии (1905). 10 сентября 1906 года уволен в отставку с мундиром с производством в генерал-майоры. Жена – дочь коллежского асессора Надежда Павловна, урожд. Стефанович.

Вера Владимировна (01.08.1883 – ?). Крещена 3 августа 1883 г. в Петропавловской церкви 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Е.В. полка; восприемники: штабс-капитан Владимир Николаевич Карамзин и жена капитана Альфонса Брюнелли Нина Васильевна. Вера Владимировна в 1902 году окончила Московское училище ордена Святой Екатерины и Александровского института, получила свидетельство на звание домашней учительницы.

Людмила Владимировна (16.06.1890 – 1964 (?), Москва). Крещена 18 июля в Тифлисской Кукийской Александро-Невской церкви; восприемники: подпоручик Владимир Людвигович Коллонтай и жена отставного канцелярского чиновника Якова Осиповича Клоссена Ольга Людвиговна. Особо следует обратить внимание, что восприемником Людмилы Владимировны был Владимир Людвигович Коллонтай – муж революционера, советского дипломата Александры Михайловны, урожд. Домонтович (1872–1952). Александра Михайловна Коллонтай была близко знакома с Е.Д. Стасовой и Т.Л. Щепкиной-Куперник.

21 Другая установленная связь – Смирнова Нина Александровна (жена Н.Н. Бухгольца), слушательница М.В.Ж.К. по математическому отделению, где в 1908 году также училась, а с 1 сентября 1908 года преподавала О.Н. Цубербиллер (ЦГА Москвы. Ф.363. Оп.4. Д.23438).

22 Не исключено также, что жандармы так прятали своих агентов. Чем реже фамилия встречается в материалах дела, тем меньше вероятность, что её запомнят, и вспомнят в другой ситуации.

23 Самым распространенным государственным преступлением в Российской Империи было отнюдь не участие в запрещенных революционных организациях, а оскорбление Императора и его семьи. Делами какого-нибудь крестьянина, который будучи нетрезвым упомянул браным словом Императора, занимали значительную часть времени судебных следователей и товарищей прокуроров окружных судов.

24 ГА РФ. Ф.1742. Оп.1. Д.12165.

25 ГА РФ. Ф.63. Оп.50. Д.232.

26 Так в деле о наблюдении за собраниями «Общины Голгофских христиан» жандармские чины отмечают, что по-

мах самих революционеров²⁷. Вместе с тем стратегической ошибкой было считать достигнутый результат удовлетворительным и не предложить социально активным членам общества альтернативу революционному пути. Уже через несколько лет внешние условия по отношению к социальной системе изменились настолько, что потребовалось приложить усилия для удержания революционной активности, однако ресурсов для этого уже было недостаточно.

На примере трёх революционных партий видим, что для этой работы по линии Междупартийного Красного Креста революционерами подбирались достаточно подготовленные люди соответствующих навыков и профессий: студентка-медик, участие которой в деятельности Красного Креста не является чем-то удивительным; присяжный поверенный, в обязанности которого входит посещение тюрем и общение с арестантами; преподаватели, родственники работников правоохранительной системы, которых мало кто мог заподозрить в симпатиях революционерам. Мы также упомянули Лидию Злобину, связь с которой, будь она установлена, могла сильно изменить ситуацию в деле Ольги Цубербиллер. Злобина тоже был медиком²⁸.

Что же касается упомянутой Марии Владимировны Мароши, то её деятельность заслужива-

ет отдельной статьи²⁹. Мы можем отметить лишь её сложное происхождение³⁰, неудачный брак³¹, осуждение приговором Междупартийного суда от 24 мая 1917 года (лишена политических прав и оставлена под стражей до созыва Учредительного собрания)³², повторное осуждение и расстрел в 1924 году.

Вот как описывается её судьба после Октябрьской революции в заметке «Женщина-охранник»³³. «В октябре 1923 г. служащая завода «Красная ракета», Сергиевского уезда, М.В. Михайлова-Мароши явилась в МГО³⁴ и подала объёмистое заявление, в котором сообщила о своей работе в московской охранке в период 12–17 гг. В этом заявлении она подро-

сле разгрома революционного движения в начале 1910-х годов, интеллигенция разочаровалась в политике и подалась в религию и оккультизм (ГА РФ. Ф.102. Оп.119 (Д-4, 1910 год). Д.398).

27 Свидетельство из перлюстрированного письма: «А затем вот что: у нас, ты знаешь, всё придавлено. Рабочая пресса разгромлена. Легальные организации дышат на ладан». См. Дело с разработкой перлюстрированных писем: (1) из Москвы от [Замышляева Николая Николаевича] в Стокгольм [Нордстрему Эмилю-Кондрату Карловичу], с просьбой сообщать сведения о жизни немецкой социал-демократии и перевести статью доктора А. Зюдекума; (2) от 25 октября 1915 года из Москвы за подписью «Вс. Г.» в Петроград Витке (Витка) Николаю Андреевичу (меньшевик-ликвидатор) об издании газеты (ГА РФ. Ф.63. Оп.50 (разработка 1914 года). Д.232. Л.1, 7).

28 Интересный аргумент Злобиной в свою защиту в деле об участии в запрещённой организации: «Я интенсивно работала, это могут подтвердить доктор и медсёстры на работе. А это значит, что мне некогда было заниматься революционной деятельностью» (ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.80. Д.369. Л.57–58).

29 Подробнее о деятельности Марии Мароши см. ЦГА Москвы. Ф.179. Оп.45 ч.3. Д.11380, Ф.17. Оп.107. Д.180, ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183, Ф.Р 3917. Оп.5. Д.1114 (1924), Ф. 10035. Оп.1. Д.72174 (делопроизводственный номер П-75192)).

30 Её мать, Мария Викторовна Пахотинская, родилась в семье надворного (затем статского) советника Виктора Францевича Пахотинского и Матроны Ивановны NN (род. ок. 1846). Видимо у неё были сёстры Евгения Викторовна (1869–1963, замужем за Николаем Николаевичем Лаппа, их дочь Татьяна Николаевна Лаппа была первой женой писателя М.А. Булгакова), Неонила Викторовна и брат Леонид Викторович (род. ок.1878), возможно ещё один брат Валентин Викторович (род. 1872, Ставропольская губерния, актёр). 19 ноября 1892 года у дворянской девицы Марии Викторовны Пахотинской родилась незаконнорождённая дочь Мария, воспитанники надворный советник Владимир Михайлович Яблочков и дворянка девица Неонила Викторовна Пахотинская. Очевидно, что отчество Марии было дано по крестному – Владимировна. См. метрические документы ЦГА Москвы в отношении представителей рода Пахотинских, в т.ч. Ф.2125. Оп.2. Д.116. Л.145 (запись о рождении Марии Владимировны Пахотинской).

31 18 января 1912 года Мария Владимировна венчалась с венгерским подданным, военнопленным Юлием Владимировичем Мароши, который служил в Московской городской управе. С мужем перестала жить спустя несколько месяцев, а именно с 8 мая 1912 г.

32 Членов С.Б. Московская охранка и её секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919. С.70.

33 Вечерняя Москва. 1924. №26, 21 ноября. Оценивая доводы заметки нельзя забывать о контексте эпохи, когда она была опубликована.

34 Московский губернский отдел Государственного политического управления при НКВД РСФСР.

но излагала свою биографию и описывала свою «деятельность» в охранке. Михайлова-Мароши писала о том, что она чувствует в настоящий момент угрызения совести и, ссылаясь на своей 5-летний «стаж», предлагала свои услуги МГО. Она была арестована. Отдел Государственного архива прислал в МГО свыше 50 агентурных записок — сведений, которые Михайлова подавала в охранку. Выяснилось, что, поступив в 12-м году в московское охранное отделение, она сейчас же по поручению полковника Мартынова выехала в Париж с экскурсией московских учителей. Целью поездки было констатировать связь русской общественности с эмиграцией³⁵. На суде, впрочем, Михайлова утверждает, что реальных результатов поездка эта не дала. Чем далее, тем более развёртывается «деятельность» Михайловой. Сейчас же по возвращении её из-за границы она сообщает в охранку о ряде партийных групп, освещает жизнь революционно настроенной части студенчества и выдаёт работу «Межпартийного красного креста»³⁶. В 1915 г. Михайлова доносит о Пресненской группе РСДРП, причём принимает самое живое участие в ликвидации этой группы. В 15 г. у неё на даче состоялось совещание представителей Пресненской группы с представителями с.-д. о создании единого политического центра. Михайлова выдала это собрание охранке, результатом чего явились аресты видных деятелей Пресненской группы т.т. Меницкого, Канделакки и др. За этот «успех» Михайлова получила повышение. Будучи допрошена при Керенском «Комиссией по обеспечению нового строя», Михайлова открыто заявила, что в своей «деятельности» она находила удовлетворение и призвание. Дело о Михайловой-Мароши разбиралось вчера в московском Губсуде под председательством тов. Сината. Михайлова приговорена к вышей мере наказания — расстрелу без применения амнистии».

Сравнивая дела наружного наблюдения за революционерами, в которых фигурирует Ма-

роши («Роза»³⁷) в 1915 году³⁸ с её личным делом из Московской городской управы³⁹, видим, что жандармы, очевидно, подозревали революционеров в использовании легального общества «Красного Креста» для прикрытия своей деятельности. Мароши была одним из основных агентов, через которую жандармы отслеживали деятельность РСДРП в этом направлении. С одной стороны, её служебная деятельность в Московской городской управе была связана с оказанием помощи раненым и их семьям, с другой стороны, она активно контактировала с революционерами, которые работали в структурах общества «Красного Креста» на Никитском бульваре, дом 11⁴⁰.

Также темой отдельного исследования может стать и жизненный путь агента охранного отделения Анны Егоровны Серебряковой, в том числе с обращением к революционной деятельности выпускницы М.В.Ж.К. Елизаветы Петровны Дурново (в замужестве Эфрон, мать Сергея Эфрона, мужа Марии Цветаевой) (1853–1910). Они были хорошо знакомы между собой. Елизавета Петровна была казначеем организации московских максималистов, «имела на руках огромные суммы денег, превышающие 100 тысяч рублей, составляла сметы комиссий и бюро [Оппозиционной фракции ПСР]»⁴¹, с середины 1880-х г. вела работу в политическом Красном Кресте. В 1904 (1905?) году примкнула к партии эсеров. В июле 1906 г. была арестована, в ходе

35 Здесь напрашивается сравнение с работой за рубежом членов «Священной Дружины».

36 По сути, эта работа и так всем была известна, см. выше заявление Российского Общества Красного Креста, сделанное в 1907 году.

37 Возвращаясь к вопросу присвоения наблюдательных кличек. Филеры взяли от Марии Мароши наблюдение за двумя её коллегами по «Кружку слушательниц М.В.Ж.К. по оказанию помощи политическим заключённым», которым присвоили клички «Ландыш» и «Гвоздика» (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.287 Л.229), «Мята» (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.297 Л.40). Показательно, что активные члены Кружка помощи политическим заключённым сёстры Волконские имели наблюдательные клички «Лань» и «Куница», что указывает на осведомлённость о них охранным отделением из другого источника.

38 ГА РФ. Ф.63. Оп.45. Д.287, 303, 304.

39 ЦГА Москвы. Ф.179. Оп.45. Д.11380.

40 Охранное отделение вело пристальное наблюдение за контактировавшими с Марией Мароши работницами Общества Красного Креста Уваровой («Кошка») и Софьей Волконской («Куница») (ГА РФ. Ф.63 Оп.45 Д.304, 297).

41 Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022. С.386.

обыска изъяты документы партии эсеров, пакеты с деньгами и чековые книжки, подложные паспорта, фотографии, письма, записные книжки, записки о денежных расчётах и др. В изъятых бумагах Елизаветы Петровны «по словам прокурора Московской судебной палаты было найдено около 160 адресов и явок»⁴². В марте 1907 г. освобождена под залог в сумме 15 тысяч рублей, внесённый дворянкой фон Вендрих. В газете «Сибирская жизнь» от 29 мая 1910 г. на сей счёт есть интересная заметка. Поскольку её объём невелик процитируем полностью: «Вопрос о судебном залоге. В общем собрании уголовного кассационного департамента сената заслушан принципиальный вопрос о судебном залоге. Жена инженера Эфрон, привлечённая по 102-й ст. Уг. Улож. была оставлена на свободе под залог 15000 руб., внесённый г-жею фон Вендрих. Однако, г-жа Эфрон на суд не явилась, г-жа же фон Вендрих умерла раньше вызова судебной палатой Эфрон в суд. Судебная палата определила обратить залог 15000 руб. в доход казны. Это решение было обжаловано в сенат, причём кассатор доказывал, что залог не может считаться сделкой имущественного характера, и должен быть приравнен к поручительству, т.е. обязательству личному, прекраща-

ющемуся со смертью обязавшегося лица. Сенат, однако, согласился с обер-прокурором в том, что залог является обязательством имущественного характера и постановление палаты утвердил».

Оценивая в целом деятельность правоохранительной системы царской России на примере противодействия Междупартийному Красному Кресту, следует отметить в целом компетентность правоохранительных органов, но даже эффективное внедрение агентов не позволяло им иметь всю полноту информации о революционном движении в предреволюционные годы. Реконструируемые нами сведения с привлечением дополнительных источников тоже не дают полной картины, однако показывают сложный характер связей внутри революционных организаций.

Список литературы

1. Алексеев И.В. Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.
2. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919.
3. Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022.

42 Цит. по Житие Елизаветы Дурново. Часть 2. Электронный ресурс. – [Режим доступа] <https://bettybarklay.livejournal.com/232420.html>

INTER-PARTY RED CROSS IN PUBLIC LIFE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Rybak Kirill Evgenievich,

Doctor of Cultural Studies

Associate Researcher, Russian Heritage Institute

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia,

kvr1482@gmail.com

Izbachkov Yuri Sergeevich,

lawyer,

Associate Researcher, Russian Heritage Institute

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia,

strax5@list.ru

Abstract

Using the example of representatives of three revolutionary parties, the activities of the law enforcement system of Tsarist Russia are shown in relation to the Inter-Party Red Cross, which provided assistance to exiles and prisoners in various ways. The relative efficiency of the police, excessive bureaucratization, complicated by manifestations of corruption in the law enforcement and judicial systems are noted.

Keywords

Inter-Party Red Cross, police, security department, Social Revolutionaries, Moscow Higher Women's Courses, Zuberbuhler, Zuberbüller Ivan Filippov, Raisa Golovacheva, Nikolai Buchholtz, Lyudmila Erarskaya, Nordström, Nikolai Vitka, Lidiya Zlobina, Maria Marosi, Anna Serebryakova (Reshchikova), Elizaveta Durnovo (Efron), convict, exile.